

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА
г. МОСКВА

19 ОКТ 1987

Время, образы, герои

ОЩУЩЕНИЕ РОЛИ

За что любишь своего героя? Не всегда просто ответить на этот вопрос... До сих пор дорог мне сыгранный на ермоловской сцене лет пятнадцать назад лейтенант Шмидт. В роли меня занимали не только факты биографии героя, восстания на крейсере «Очаков», но и характер человека интеллигентного, поэтически относящегося к женщине, лишенного всякой ортодоксальности, на редкость стойкого и мужественного в годину испытаний.

Близок был мне и Голубков в «Беге» М. Булгакова. Я вовсе не старался его идеализировать, однако ценил его кажущуюся слабость, из которой перед лицом опасности рождалась нравственная сила, позволяющая защитить любимую.

Но вот роль Зилова в пьесе дорогого мне драматурга А. Вампилова «Утиная охота». Играю ее с увлечением. Чем интересен мне, актеру и режиссеру, такой человек — отнюдь не идеальный, понапрасну растратающий жизнь? Отвечаю: подлинностью, узнаваемостью, и таких людей

доводилось встречать в жизни. Поэтому привлекают меня, хотя и каждый по-своему, и современник Саттаров в пьесе Д. Валеева «Дарю тебе жизнь» со способностью загорасть прекрасной идеей, и человек из чуждого нам мира наживы Гордон Уайтхауз в «Опасном повороте» Дж. Пристли с его метаниями и надломленной психикой. Или, скажем, сказочный царь Салтан, который так доверчиво тянется к людям и которого так легко обидеть...

Для того чтобы полюбить роль, даже не обязательно ее сыграть. Вот идет поставленный мною спектакль «Берег» в Малом театре. И я часто, стоя за кулисами, сам не то что проигрываю, а проживаю и роль Никитина, и роль Эммы. Помогает же мне в этом замечательный писатель Юрий Бондарев с его даром творчества, характером, манерой говорить — вроде бы просто и в то же время так удиви-

Владимир АНДРЕЕВ,
народный артист РСФСР, лауреат Государственной
премии РСФСР имени К. С. Станиславского

тельно. Люблю его раннюю повесть «Батальоны просят огня», которую недавно поставил в нашем Театре имени М. Н. Ермоловой, его романы.

Сейчас перечитываю «Выбор», думая о будущем спектакле, гляжу в окно и вижу крыши, которые, может быть, рисовал герой книги художник Васильев. Вижу улицу, где в сырых, промозглых сумерках, возможно, шел другой персонаж, Илья Рамзин. И верю в подлинность этих придуманных писателем людей...

А иногда берешься за пьесу, в которой вроде бы все верно и тщательно выписано — и декорации, и костюмы, и биография героев, — а ощущения подлинности не возникает. Потому, видимо, что автор умозрительно изобрел героев, а не нашел характеры в жизни. И если попадет такое сочинение на сцену, как же трудно актерам вдохнуть жизнь в персонажи-схемы!

По-разному работаешь над

ролью. Мне, например, кажется, что каждого человека сопровождает своя музыка, только нужно уметь ее услышать. Творчество актера, режиссера складывается из многих компонентов, в том числе и из наших мечтаний, надежд, из нашей веры. Роль открывается перед тобой, как тайна: постепенно характер героя становится для тебя таким же естественным, как твое собственное дыхание. Актер — это самостоятельная творческая лаборатория, в которой рождаются характеры, разные, как и средства их выражения.

Наверное, самый интересный момент в работе над спектаклем — это когда уже выстроилась конструкция постановки, когда исполнители проникли в жизнь героев и растворились в них, когда по очерченному режиссером руслу понеслись, наконец, судьбы персонажей пьесы. Не всегда путь к этой минуте бывает легким. Долгой была для нас, например, работа над спектаклем «Денги для Марии». Мудрая проза В. Распутина нелегко перекладывалась на язык сце-

ны. И все же характеры его героев оказались очень театральными — яркими, выпуклыми.

А вот репетиции пьесы «Василиса Мелентьева» А. Островского потребовали прежде всего глубокого знания далекой от нас эпохи, которую создателям спектакля нужно постигнуть не только разумом — нервными окочанностями, что ли. Тогда в царском дворце, в пышных хоромаш будут действовать не привычные театральные фигуры, а живые люди, и в подлинность их характеров и поведения поверят зрители.

Все это стоит и труда, и муки. Но я даже не могу сказать: «Люблю работать», — просто не могу не работать, не могу не заниматься избранной профессией. Когда думаю о будущих ролях, спектаклях, то чувствую и даже вижу, как говорят, ходят, спорят мои герои. Размышляю об их поступках, о том, почему они сделали именно так, а не иначе. И еще о том, как важно показать человека в разные периоды его жизни разным, подметить то характерное, что приносит в образ время. Ощущение новой роли, спектакля художнику диктует прежде всего жизнь.